

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ ЛИТЕРАТУРНОГО
ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА В АРЕАЛЕ
БАВАРСКИХ ДИАЛЕКТОВ

В своем романе „Будденброки“ Томас Манн изображает забавную ситуацию, возникшую на языковой почве для жительницы Любека после ее переезда в Мюнхен. В своих письмах домой она сообщала о том, что у нее постоянно возникают трудности, когда ей приходится вступать в языковое общение с окружающими. „Когда я говорю „Фрикадельки“ / Frikadellen /, - сообщает она о своей кухарке, -то она это не понимает, потому что они называются здесь „ Pflanze“ ; а когда она говорит „цветная капуста“ /Karfiol/, то с трудом может найти божий человек /Christenmensch/, которому придет в голову, что она имеет в виду Blumenkohl; а когда я называю „жареный картофель“ /Bratkartoffeln/, то она долго восклицает „что – oo!“ /"Wahsl"/, пока я не скажу ей „Gerichte Kartoffeln“.

В свое время на эти региональные /территориальные/ различия в немецкой литературной речи, в особенности в привычном обиходе, в повседневных жизненных ситуациях, обратил внимание П. Кречмер, описав первоначально свои языковые впечатления после приезда в Вену: „Der Berliner betritt ein Haus, indem er durch die Haustür am Portier vorbei in den Flur tritt, die Treppe hinauf in die erste Etage steigt, klingelt, in den Korridor gelassen wird, von wo man ihn bittet, näher zu treten. Der Wiener geht durch das Haustor in die Einfahrt, steigt am Hausmeister vorbei, die Stiege hinauf in den ersten Stock, lautet und wird in das Vorzimmer gelassen, von wo ihn das Dienstmädchen hineinspazieren heißt.“ (Kretschmer 1969: 2)

Эти наблюдения побудили П. Кречмера /1866-1956/ заняться специально территориальными особенностями немецкого разговорного литературного языка. Он разработал специальную языковую анкету, которая была разослана во все основные регионы распространения немецкого языка различным специалистам и носителям литературной речи /учителям, лингвистам, писателям/. Таким путем он собрал обширнейшую словарную

картотеку, на основе которой им была написана непревзойденная по своей полноте и научной ценности книга под названием „Wortgeographie der hochdeutschen Umgangssprache“, опубликованная в 1918 году.

Говоря о характере собранного материала, П. Кречмер отмечал, что Umgangssprache в данном случае он понимал как устную /mündlich/ форму высказывания и как язык, общий для образованных слоев общества /Gemeinsprache der Gebildeten/. Этим он отличается и от диалекта и от нормы /письменного / литературного языка /Schriftsprache/.

В целом такая система Umgangssprache не является однородной и структурируется по вертикали в зависимости от ситуации общения /Kretschmer 1969: 10/:

1. Первую ступень образует так называемый язык публичных выступлений /Vortragssprache/. Этой формой языка пользуются люди при выступлениях с трибуны, священнослужитель за кафедрой, адвокат в суде, учитель на занятиях. По своей выразительности и набору языковых средств она приближается к норме письменного литературного языка /Schriftsprache/, поскольку она заранее готовится, письменно фиксируется, публикуется в печати.
2. Вторая ступень принадлежит форме языкового сообщения, соответствующей деловому и официальному общению. Ее можно назвать языком общения /Verkehrssprache/.
3. Третью ступень занимает форма языка, которой пользуются в условиях семьи, в кругу привычного /intim/ общения. Ее можно назвать языком неформального, фамильярного /familidg/ общения. Она может сближаться с диалектом.

Таким образом, можно заключить, что в целом структура звучащей /mündlich / речи, описанная П. Кречмером, совпадает с теми представлениями, которые имеются в германистике и в настоящее время, однако у Кречмера она охватывает всю структуру речи /от литературного языка до „полудиалекта“/. Если добавить в это построение местный диалект, то все построение найдет полное соответствие взглядам В.М. Жирмунского, также выделявшего четыре уровня.

Говоря о том, какая из трех выявляемых формаций устной речи соотносится с выдвигаемым им понятием „литературный обиходный язык“, он подчеркивает, что средняя ступень

иерархии /вторая ступень/ как форма языка публичного /gesellschaftlich/ общения может и называться литературным обиходно- разговорным языком/ hochdeutsche Umgangssprache/ в собственном смысле этого слова.

Степень влияния диалекта на эту форму литературного языка образованных слоев общества в различных регионах различна: в наименьшей мере обиходная литературная речь находится под влиянием местных диалектов в таких городах, как Ганновер. В районах распространения верхненемецких /oberdeutsch/ диалектов, в силу их значительной функциональной активности, их влияние на литературные формы языка оказывается наибольшим./Kretschmer 1969 : I I/.

За более, чем 70 лет, прошедшие с того времени, когда П. Кречмер сделал свои заключения о региональном многообразии немецкого языка, т.е. отсутствии единства его словарного состава, положение в этом отношении мало изменилось, несмотря на „единую форму языка обучения в школе и в средствах массовой коммуникации, а также несмотря на мобильность людей в пределах территории немецкого языка“ /Wolff 1980: II/. Выявляемым регионализмам в языке, по мере продвижения кодифицированной нормы во все сферы функционального использования литературного языка, предсказывалось постепенное отступление и исчезновение, но этого не произошло, хотя лингвисты уже определили предполагаемое развитие соответствующими терминами. Так, Г. Мозер еще в 60-х гг. говорил о наличии лишь „частично /resthaft/ имеющихся территориальных /landschaftlich/ особенностей в словарном составе“ языка /Moser 1961: 58/, однако ожидаемого сглаживания /выравнивания/ не наступило и к настоящему времени.

Территориальные различия в немецкой литературной речи складывались прежде всего на основе языковых особенностей, характерных для местных диалектов. Их сохранению /консервации/ способствовало то существенное внешнее обстоятельство, что в политическом и экономическом отношении Германия долго сохраняла свою раздробленность, вследствие чего языковые изменения, происходившие в одном регионе, как правило, не пересекали политические границы других /языковых/ территорий. С другой стороны, эти изменения происходили в замкнутых пространствах, а, следовательно, все источники, включая и

внешние влияния, действовали на ограниченную языковую /диалектную/ область, что способствовало дальнейшему обособлению различных диалектов между собой. В этом смысле справедлива мысль А. Баха, утверждавшего, что „носителем сколь-нибудь единого диалекта всего является определенный коллектив сношений. Там, где группы людей, говорящих на одном языке, разъединены, речь обособившихся объединений приобретает в конце концов свои характерные черты/Бах 1961 : 112/. Так, характерное для южнонемецких диалектов слово Metzger „мясник“ восходит к латинскому заимствованию *matidgius* со значением „колбасник“ /*Wurstmacher*/. В севернонемецких диалектах укрепилось свое соответствие — *Fleischer* с этим же значением, ставшее затем и общенемецким словом в литературном языке. Этот факт только подтверждает положение о том, что древние германские племена этих территорий имели более тесные, прямые связи с римской культурой, а их длительная раздробленность привела к тому, что в южнонемецких диалектах закрепилось латинское заимствованное слово, не получившее распространения в других /несопредельных/ территориях.

Своими путями происходило укоренение в немецком языке слов *Apfelsine* и *Orange* „апельсин“: в севернонемецких регионах закрепилось слово *Apfelsine* /*appelsina* — „яблоко из Китая“/, поскольку ганзейские города вели торговлю с Востоком непосредственно через свои порты, а в южнонемецких регионах распространилась французская форма итальянского названия *arancia* /*Orange*/. В литературном /нейтральном/ употреблении закрепилось севернонемецкое название *Apfelsine*.

Территориальные различия, наблюдаемые в современной литературно-разговорной речи, оказываются нередко следствием различий, происходивших в семантике слов, известных в немецком языке.

Так, в древненемецкий период в немецком языке были два слова „*magad*“ и „*thiome*“ со значением *Mädchen*, *Jungfrau* /девочка, девушка/. Слово *thiome* /средневерхнем. *dierne*, совр. нем. *Dirne*/ претерпело изменение значения/ *Hure*, *Prostituierte*/, однако в южнонемецких диалектах этих семантических изменений не произошло и слово сохранилось с баварским словообразовательным /уменьшительным/ суффиксом *-dl*: *Dirndl*, образуя местное соответствие к общенемецкому *Mädchen* и западhone-

мецкому его варианту *Madel / Wolff 1980: 16/*. Кстати заметим, что слово *Dirndl* в составе сложных слов иногда используется в общенемецкой речи. Так, в моде одежды употребляется *Dirndlkleid, Dirndlbluse /платье, блузка/,* напоминающие по своему стилю форму одежды девушек на Юге Германии /этнографические элементы моды одежды для девушек/. Наряду с этим в Баварии используется и общенемецкое *Mädchen*.

Диалектные значения сохранились в баварском ареале по настоящее время, что определяет семантику этих слов, употребляемых и в составе обиходно-разговорного языка, включая и его высшую форму /hochdeutsche Umgangssprache/. Так, слово *Bein* сохраняет свое значение /Knochen — кость/, хотя в основном оно соответствует общенемецкому „нога“. Слово *Vube* / в форме „Bub“/ сохранило южнонемецкое значение, соответствующее общенемецкому *Junge* /мальчик, подросток/, тогда как за пределами южнонемецкого ареала слово *Vube* приобрело и оценочно-отрицательное значение: низкий человек, негодяй, подлец, не характерное для баварского ареала.

Говоря о сохранении местных слов и их значений до настоящего времени, что и определяет характер особенностей территориальной литературной речи /hochdeutsche Umgangssprache/, необходимо учитывать, что в наше время „все социальные слои и группы“ принимают несравнимо большее участие, чем 100 лет тому назад, в использовании „богатств высшей культуры“, в том числе и литературного языка, чему способствует введение „всеобщего школьного обучения, распространение газет, книг, радиовещания“. Общей тенденции к единству культуры соответствует и тенденция к унифицированному языку“ /Einheitssprache./ Moser 1956 : 230/. Однако этому противостоит сохраняющаяся активность местных диалектов и других форм региональной речи, что поддерживается тенденцией к переосмыслению понятия „малой родины“, „родного края“, с которым связывается и „местная речь“ /диалект/, тенденция, определившаяся и в Германии, как и в ряде стран Европы /Англия, Франция, Испания/ в особенности в последние два десятилетия. В связи с этим Д. Латтман, отвечая на вопрос о роли диалекта в привычном общении в наши дни, заключал: „Без диалекта ты немой“ /Mundtot ohne Mundart./ / Lattmann 1981: II /.

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что значительная часть такой лексики, как бы опознаваемой, но не признаваемой нормой /стандартом/ литературного, языка и образует, по мнению исследователей/ /П. Кречмер, В. М. Жирмунский /, составную часть и некую сущность специфики литературного общедно-разговорного языка /hochdeutsche Umgangssprache/. Характеризуя эту языковую форму, П. Кречмер подчеркивал, что „в принципе“ она едина для всей территории немецкого языка, однако, что касается словарного состава, то она далека от такого единства. Имея в виду это свойство Umgangssprache, В.М. Жирмунский называл ее „неким вторым социальным вариантом родного языка“, вторым литературным вариантом общенародного языка, выступающим, по его мнению, „с авторитетом общенациональной и социальной нормы“. В сущности речь здесь идет о том, что немецкий стандарт сохраняется более или менее полно в основном в сфере письменного языка /Schriftsprache/, тогда как устная форма литературного языка чаще всего оказывается зависимой от местных языковых особенностей. Именно это имел в виду и В. М. Жирмунский, когда писал: „Следует добавить, что общенациональный литературный язык в устном разговорном употреблении в зависимости от конкретных условий исторического развития может быть слегка окрашен местными особенностями, как это наблюдается, например, в немецком или итальянском языках/ „gebildete Umgangssprache“ — „обиходный язык образованных“, согласно терминологии П. Кречмера/ /Жирмунский 1969 :21/.

Список литературы

1. Жирмунский 1969 — Жирмунский В. М. Марксизм и социальная лингвистика // Вопросы социальной лингвистики. Л., Наука, 1969, с. 5-25.
2. Bach 1961 — Bach A. Geschichte der deutschen Sprache. 7. erw. Aufl., Heidelberg, 1961.
3. Kцlbl 2001 — Kцlbl H. R. Bairisch- das echte Hochdeutsch. Bielefeld, 3.Aufl., 2001.
4. Kretschmer 1969 — Kretschmer P. Wortgeographie der hochdeutschen Umgangssprache, 2., durch ges. u. erganzte Auflage, Gцttingen, 1969.
5. Lattmann 1981 — Lattmann D. Mundtot ohne Mundart //Dialekt, Texte und Materialien zur sozialen und regionalen Sprachdifferenzierung. Frankfurt a. M., Berlin, Mьnchen, 1981, S. 11-14.
6. Moser 1961 — Moser H. Annalen der deutschen Sprache. 2. Aufl., Stuttgart, 1961.
7. Moser 1956 — Moser H. Entwicklungstendenzen des heutigen Deutsch //Moderne Sprech, 1956, S. 215-235.
8. Wolff 1980 — Wolff R. A. Wie sagt man in Bayern, Mьnchen, 1980.
9. Zehetner 1998 — Zehetner L. Bairisches Deutsch. 2.berarb. Aufl., Mьnchen, 1998.